

**ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ**

1

1957

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

П 25

8а

а

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

1

1957

ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

О некоторых ошибках в освещении философских взглядов Г. В. Плеханова

В декабре 1956 года советский народ отмечал столетие со дня рождения Г. В. Плеханова, крупнейшего пропагандиста и теоретика марксизма, пионера марксистского движения в России. Во время юбилейных сессий наследие Г. В. Плеханова была дана высокая объективно-научная оценка. Однако до последнего времени в нашей литературе имели хождение неверные, односторонние оценки его философских воззрений.

Прежде всего следует отметить почти полное отсутствие монографий о Плеханове. Совершенно ошибочно в нашей литературе Плеханов изображался только как пропагандист марксизма и публицист, а не как выдающийся теоретик, внесший ценный вклад в сокровищницу научного социализма. Так, например, в макете «Истории философии» Г. В. Плеханов характеризуется просто как популяризатор и защитник марксизма. Параграф, посвященный изложению его взглядов, так и называется: «Популяризация и защита марксизма в России Г. В. Плехановым». В макете ошибочно утверждается, что уже в 80—90-е годы Плеханов был «догматиком» и «не развивал теорию марксизма, исходя из опыта российского рабочего движения, не разрабатывал ее применительно к новым историческим условиям революционной борьбы международного пролетариата» (т. II, стр. 309).

К сожалению, философские взгляды Плеханова освещались односторонне, только с точки зрения критики содержащихся в них тех или иных ошибочных положений. При этом ошибки в ряде случаев явно преувеличивались. Таким образом, создавалось извращенное представление о взглядах Плеханова.

Во многих брошюрах и статьях по историческому материализму вполне справедливо критикуется некоторая переоценка Г. В. Плехановым роли географической среды в развитии общества. Однако нельзя согласиться с характером этой критики. Так, например, кандидат философских наук А. А. Дмитриев пишет в своей брошюре «Условия материальной жизни общества»: «Г. В. Плеханов не полностью освободился от влияния буржуазной теории географической среды. Критикуя географическую школу, он утверждал в то же время, что развитие производительных сил определяется условиями географической среды. Все это в корне противоречит марксизму» (стр. 8, 1951 год).

Разбирая вопрос о движущих силах производства и критикуя идеализм и метафизику в этом вопросе, В. А. Фомина пишет в своей брошюре «Диалектика производительных сил и производственных отношений в социалистическом обществе»: «Так, например, даже Плеханов склонялся к выводу, что основным источником развития производительных сил является географическая среда. Не трудно понять, что такого рода «натуралистический» подход к вопросу о движущей силе развития производительных сил является грубой ошибкой, повторяющей антинаучные утверждения так называемого географического направления в социологии» (1954, стр. 6). Такая же оценка взглядов Г. В. Плеханова по вопросу о роли географической среды в развитии общества содержится в работах и некоторых других авторов.

Авторы, критикующие Г. В. Плеханова подобным образом, видимо, недостаточно учитывают то важное обстоятельство, что Г. В. Плеханов, как марксист, вел борьбу против сторонников так называемого географического направления в социологии, он заявлял, что их взгляды устарели и не могут быть признаны научными. Подчеркивая решающую роль способа производства материальных благ в развитии общества, он отмечал, что географическая среда оказывает влияние на общественное развитие, но это влияние, во-первых, осуществляется через посредство производительных сил и, во-вторых, бывает различным в различные исторические периоды, в зависимости от уровня развития общественного производства.

Так, Г. В. Плеханов писал: «Влияние географической среды на общественное человека представляет собою переменную величину. Обусловливаемое свойствами этой среды развитие производительных сил увеличивает власть человека над природой и тем самым ставит его в новое отношение к окружающей его географической среде; нынешние англичане реагируют на эту среду со-

всем не так, как реагировали на нее племена, населявшие Англию во время Юлия Цезаря» (Соч., т. XVIII, стр. 210).

О том, что географическая среда влияет на развитие общества косвенным образом, через посредство производительных сил, Плеханов писал и в более поздних работах. Так, в 1914 году в предисловии к своей книге «История русской общественной мысли» он подчеркивал: «Я держусь того убеждения, что географическая обстановка влияет на характер данного народа лишь через посредство общественных отношений, принимающих тот или другой вид, в зависимости от того, замедляет или ускоряет она рост производительных сил, находящихся в распоряжении данного народа» (Соч., т. XX, стр. 3).

Можно было бы привести много высказываний подобного рода, но в этом нет необходимости. Вместо того, чтобы показать то положительное, что дал Плеханов в разработке вопроса о роли географической среды и в критике так называемого географического направления в социологии, некоторые авторы стремятся изобразить Плеханова сторонником этого направления. При этом, подвергая «критике» взгляды Плеханова по данному вопросу, они иногда упускают из виду необходимость разоблачения фашистской «геополитики» и других реакционных течений в современной буржуазной социологии.

Тенденциозная критика взглядов Г. В. Плеханова имела место также и при рассмотрении вопроса о его отношении к «теории иероглифов». Как известно, создателями этой теории были немецкие естествоиспытатели Иоганн Мюллер и Герман Гельмгольц. Они утверждали, что ощущения и представления человека — это лишь условные знаки («иероглифы» или «символы»), а не копии или снимки предметов и что поэтому они не дают верного отображения вещей. «Теория иероглифов» представляет собой, в сущности, одно из течений агностицизма, поскольку она отрицает возможность правильного познания мира.

Рассматривая эту «теорию», прежде всего следовало бы дать критику ее реакционной сущности, а также взглядов ее главных представителей, отметив, конечно, при этом, что Плеханов допустил ошибку, за которую ухватились махисты и использовали ее как повод для нападок на диалектический материализм. Однако авторы ряда брошюр и статей поступают как раз наоборот: весь огонь своей критики они обращают против Плеханова, а не против создателей «теории иероглифов» и ее ярых сторонников. Подчас они даже не раскрывают ее реакционной сущности. Подобного рода критика содержится, например, в брошюре П. Белова «О произведении В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (1953, стр. 43, 44, 130). На основании такой критики можно прийти к заключению, что Плеханов был видным сторонником «теории иероглифов».

В брошюре А. И. Бурхарда «Как человек познает окружающий мир» «теория иероглифов» прямо называется «теорией Гельмгольца — Плеханова» (изд. «Знание», 1955, стр. 14). Но если сравнить взгляды Плеханова и Гельмгольца, то ясно, что для такого категорического заявления нет никаких оснований. В. И. Ленин характеризует Гельмгольца как одного из крупных представителей «теории иероглифов», непосредственного кантианца и агностика (см. Соч., т. 14, стр. 220—222). А. И. Бурхард, а также и некоторые другие авторы, поставив на одну доску Плеханова и Гельмгольца, упустили из виду то важное обстоятельство, что Плеханов был марксистом и защищал теорию познания диалектического материализма от нападок неокантианцев, махистов и других.

Досадно, что такие же недостатки и ошибки содержатся и в монографии В. А. Фоминой «Философские взгляды Г. В. Плеханова». Мы не ставим своей задачей анализировать книгу тов. Фоминой. Отметим только, что в ней дано правильное решение ряда принципиальных вопросов, касающихся мировоззрения Плеханова. Но наряду с этим в книге есть и недостатки, в частности в освещении взглядов Плеханова по вопросам теории познания. В. А. Фомина, например, утверждает, что Плеханов, отрицая адекватное познание вещей, отходил от марксистской теории отражения (см. стр. 165). Обвинение это очень серьезное, но оно не подкрепляется фактами и не может быть подкреплено, ибо противоречит истине. Конечно, можно, цитируя отдельные ошибочные высказывания Плеханова, создать видимость доказательства «отрицания» им возможности адекватного познания вещей, но такое «доказательство» нельзя признать научным. Задача исследователя состоит в том, чтобы дать правильную оценку взглядов Плеханова, изучив сущность всех положений, содержащихся в его работах и относящихся к данному вопросу.

Вот пример того, как обращается В. А. Фомина с текстом статьи Плеханова «Еще раз материализм». На стр. 166 она пишет: «В 1899 г. в статье «Еще раз материализм» повторяются те же доводы в защиту теории иероглифов. «...Было бы очень странно,— сказано там,—если бы ощущение и выросшее на его почве представление походили на ту вещь, которая его вызвала и которая сама не есть, конечно, ни ощущение, ни представление... Наши представления о формах и отношениях вещей не более, как иероглифы; но эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения, и этого достаточно, чтобы мы могли изучить действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них».

Прежде всего следует отметить, что напрасно В. А. Фомина связала посредством многоточия эти два совершенно различных высказывания Плеханова, ибо в них говорит-

ся о разных предметах и между ними лежит не более, не менее, как целая страница текста. Разберем эти два высказывания Плеханова отдельно. В первом из них Плеханов уличает неокантианца Конрада Шмидта в невежестве, в том, что он искажил мысль Маркса, не поняв его известного положения: идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Возражая К. Шмидту, Плеханов доказывает, что идеальное отличается от материального, что ощущение есть продукт материи, но особым образом организованной, и поэтому оно не похоже на материю, на вещи, которые являются причиной его возникновения.

Поскольку в книге В. А. Фоминой приводится лишь конец этого высказывания, мысль Плеханова искажается. Прочитируем его полностью, чтобы читателю стало ясно, о чем в действительности говорил Плеханов: «Вещь в себе, называемая доктором Шмидтом, способна действовать на мои внешние чувства: она есть материя, но она способна также написать плохую статью о философии. Это есть чувствующая и мыслящая материя. Таким образом, сознание (в более или менее высокой степени) есть атрибут той субстанции, которая действует на мои внешние чувства и которую я называю материей. Что эта субстанция «сама по себе» не похоже на мое представление о материи, это знал еще Томас Гоббс, но из этого никакого опровержения материализма вывести невозможно. Наоборот, было бы очень странно, если бы ощущение и выросшее на его почве представление пошло на ту вещь, которая его вызвала и которая сама не есть, конечно, ни ощущение, ни представление» (Соч., т. XI, стр. 137).

Разве не верно, что ощущение как продукт особым образом организованной материи отличается от материи, от вещи, которую оно отражает? Тов. Фомина спутала два вопроса: вопрос об отражении вещей в ощущениях и вопрос об отличии ощущения как продукта высшей формы материи от самой материи, от вещи, которая вызывает это ощущение. В первом высказывании Плеханова речь идет об отличии ощущения как продукта высшей формы от самой материи, от вещи, которая вызывает ощущение; в другом высказывании, искусственно соединенном с первым, говорится об отражении в ощущениях. Здесь, действительно, Плеханов делает ошибку, пользуясь термином «иероглифы», хотя и оговаривает, что они точно обозначают формы и отношения вещей.

Если бы первое высказывание Плеханова было процитировано отдельно, то оно могло быть истолковано читателем правильно. Но поскольку это высказывание искусственно соединено с другим, где употреблен термин «иероглифы», то, не зная контекста, нельзя понять его правильно.

О том, что Плеханов, по существу, стоял на позициях марксистской теории отражения, свидетельствует следующее его высказывание, содержащееся в той же статье, которая цитируется В. А. Фоминой: «...Хотя существующее в моей голове «идеальное» не похоже на то «материальное», с которого оно «переведено», но оно имеет тот же самый смысл, если только перевод сделан правильно. Критерием же правильности перевода служит *опыт*. Если бы смысл существующего в моей голове «идеального» не соответствовал действительным свойствам «материального», т. е. существующих вне моей головы и независимо от нее вещей, то я получил бы от этих вещей более или менее тяжелый урок при первом же столкновении с ними, — урок, благодаря которому более или менее быстро устранилось бы несоответствие между идеальным и материальным, разумеется, если бы я не погиб раньше жертвой этого несоответствия» (там же, стр. 135—136).

Отсюда становится ясным, насколько неосмотрительно, используя отдельные ошибочные высказывания Плеханова, обвинять его в отрицании возможности правильного познания вещей. Другой пример еще более наглядно свидетельствует о том, насколько тенденциозно комментируются в книге Фоминой некоторые положения Плеханова. На стр. 167 приводится высказывание Плеханова о том, что «вид» есть именно только результат действия на нас вещей самих по себе, *помимо этого действия они никакого «вида» не имеют*.

И далее по поводу этой мысли Плеханова В. А. Фомина пишет: «Положение о том, что «вид» вещей существует только в сознании тех субъектов, на которых они действуют, затушевывало тот факт, что вид предмета зависит не столько от организации субъекта, сколько от природы самого объекта. Он считал, что вещь имеет в сознании человека один вид, иной же вид она имеет «для улитки». Следовательно, получалось, что вид вещи — это нечто субъективное, зависящее от сознания субъекта. Так теория иероглифов в своем логическом развитии вела Плеханова к признанию субъективности качеств вещи» (там же, стр. 167).

Даже не обращаясь к первоисточнику, можно увидеть, насколько несостоятельны эти утверждения. Почему же подвергается сомнению правильное положение о том, что вещь имеет в сознании человека один «вид», иной же «вид» имеет она «для улитки». Неужели последние так же, как и человек, в состоянии познать все многообразие свойств вещи? Доказывать это — значило бы грубо вульгаризировать материализм. Делать же на основании этого положения вывод о том, что «вид» зависит только от сознания субъекта, было бы грубейшей натяжкой. Высказывание Плеханова не дает никаких оснований обвинять его в субъективизме, что особенно наглядно видно из следующего его рассуждения:

«...Я не знаю, как «видит» улитка; но я уверен, что она «видит» не так, как люди.

Из этого не следует, однако, что свойства внешнего мира имеют только субъективное значение. Вовсе нет! Если человек и улитка движутся от точки А к точке В, то и для человека, и для улитки прямая линия одинаково будет кратчайшим расстоянием между этими точками. Если бы оба эти организма пошли по ломаной линии, то им пришлось бы затратить больше работы на свое передвижение. Значит, свойства пространства имеют также объективное значение, хотя и представляются различно организмам, стоящим на различных ступенях развития» (Соч., т. VIII, стр. 389). И далее: «...Тот «вид», в каком представляется внешний мир улитке, сам обуславливается свойствами этого реально существующего мира» (там же).

Как видим, пример с улиткой выглядит совсем не так, как пытается трактовать его В. А. Фомина. Непонятно только, почему осталось незамеченным это последнее высказывание Плеханова. Следует подчеркнуть, что еще в 1908 году В. И. Ленин осудил попытку извратить высказывания Плеханова относительно «вида вещей». В книге «Материализм и эмпириокритицизм» он писал, что в этом примере с «видом вещей» махисту Базарову не удалось поймать Плеханова на слове (см. Соч., т. 14, стр. 71).

Таким образом, некоторые авторы не разоблачают реакционную сущность теории иероглифов, не критикуют взгляды ее виднейших сторонников, а избирают для критики почему-то одного Плеханова, подчас извращая смысл содержащихся в его работах положений.

В связи с этим нам кажется уместным кратко остановиться на критике В. И. Лениным «теории иероглифов» в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Характерно, что основной огонь своей критики Ленин направляет против одного из крупнейших представителей этой теории, Г. Гельмгольца. Ленин обстоятельно, на шести страницах своей книги, разоблачает реакционную сущность «теории иероглифов» и взглядов Г. Гельмгольца и в заключение отмечает, что Плеханов «сделал явную ошибку при изложении материализма» (Соч., т. 14, стр. 226).

Пример критики Лениным «теории иероглифов» должен быть образцом для наших философов, освещающих этот вопрос в научно-популярной литературе и учебных курсах.

Вполне понятно, почему за ошибочные положения Плеханова цеплялись махисты, но почему некоторые наши авторы стремятся захватиться за них, непонятно. Не играют ли здесь определенной роли «конъюнктурщина», неправильно понятое требование момента?

Следует признать, что известную отрицательную роль в деле изучения философского наследия Г. В. Плеханова сыграла та узкая и односторонняя оценка деятельности Г. В. Плеханова, которая дана в «Кратком курсе истории партии», написанном под влиянием культа личности. В этой книге не получила отражения ленинская оценка философского наследия Г. В. Плеханова. Искусственная подгонка некоторых высказываний Плеханова под шаблонные схемы, произвольное цитирование их и т. п. могут только мешать изучению философского наследия Плеханова. Надо покончить со всяческими извращениями. Однако пусть не поймут нас превратно, будто мы предлагаем лакировать, затушевывать ошибки Плеханова. Вовсе нет. Речь идет лишь о том, что необходимо трактовать его взгляды правильно, не искажать их, показывать то положительное, что дал Плеханов, и объективно критиковать его ошибки.

Марксизм-ленинизм требует научного, всестороннего, конкретно-исторического подхода к изучению взглядов того или иного мыслителя. Известно, что Ленин беспощадно критиковал ошибки Плеханова, но вместе с тем он высоко ценил его работы в области философии. Ленин решительно выступал против субъективистского подхода к изучению истории философии, требовал от исследователей объективной, но не объективистской оценки роли того или иного деятеля. Научное, марксистско-ленинское исследование истории философии и правильное ее освещение имеют большое значение для борьбы против буржуазной идеологии, для коммунистического воспитания трудящихся и дальнейшего творческого развития философской науки.

Следует покончить с недостатками и ошибками в освещении философских взглядов Г. В. Плеханова. Необходимо создавать исследования, как общие, так и специальные, в которых бы правильно, глубоко научно, с позиций марксизма-ленинизма освещалось философское наследие Г. В. Плеханова. В связи с этим следует отметить, что у нас уже проделана значительная работа по изучению философских взглядов русских революционных демократов, предшественников марксизма в России. Положено хорошее начало, но надо идти дальше — исследовать и освещать философские взгляды первых марксистов в России, разумеется, продолжая исследование философских взглядов и предшественников марксизма.

И. И. ЧЕРКАСОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — Два мировоззрения, две политики . . . 3

Сюй Ди-син (Китай) — О взаимоотношениях между классами и тенденции классовой борьбы в Китае в переходный период . . . 15

Г. З. Апресян — В. И. Ленин о связи искусства с народной жизнью . . . 31

Н. Г. Александров — Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе . . . 44

М. М. Карпов (Ростов н/Дону) — О внутренних закономерностях развития естествознания . . . 58

В. А. Фомина — Разработка Г. В. Плехановым вопросов материалистической диалектики . . . 69

В. М. Межуев — Основные принципы гегелевской критики формальной логики . . . 80

С. Б. Церетели (Тбилиси) — О природе связи основания и следствия . . . 92

Член-корр. АН СССР **М. Т. Иовчук** — Вопросы истории философии в трудах Г. В. Плеханова . . . 102

Член-корр. АН СССР **С. Л. Рубинштейн** — Философия и психология . . . 114

Куо Шао-тан — Философские взгляды Лян Шу-мина . 128

Кэндзюро Янагида (Япония) — Эволюция моего мировоззрения . . . 137

Член-корр. АН СССР **М. Д. Каммари** — О третьем конгрессе международной ассоциации социологов . . 150

А. И. Владимирова — Против идеалистической фальсификации диалектики . . . 162

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. И. Конник — О противоречиях, связанных с действием экономических законов . . . 174

А. П. Бутенко — Народ как социологическая категория 181

Л. Г. Тамашин — К вопросу о реализме . . . 186

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ш. В. Габилая (Тбилиси) — Новое пособие по диалектическому материализму . . . 193

В. М. Богуславский — Исследование по теории суждения 198

П. Ф. Пашкевич — О познании истины в судебной деятельности . . . 203

В. Е. Тимошенко — Об издании классиков античной философии	208
Ф. Х. Кессиди — Противоположность научного знания религиозной вере	210
М. Б. Ефимов — Против реакционных домыслов фрейдистов	212

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И. А. Майзель, Ю. С. Мелешенко, А. И. Новиков (Ленинград) — Обсуждение проектов программ курса диалектического и исторического материализма в Ленинграде	214
Н. И. Панкратова — В Институте философии АН СССР	216

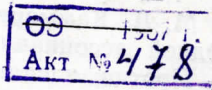
ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ И ПИСЬМА

И. И. Черкасов — О некоторых ошибках в освещении философских взглядов Г. В. Плеханова	225
А. С. Богомолов — К вопросу о «противниках идеализма» в современной английской буржуазной философии	229
Е. Ф. Помогаева, П. С. Трофимов — О некоторых представителях современной английской буржуазной философии	234
Морис Корнфорт (Англия) — Ответ на письма читателей по поводу Александра и Уайтхеда	237

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

А. Л. Субботин, А. И. Абрамов — Философский семинар в Мексике	240
Д. М. Угринович — «Ликвидация классового общества» или... его апологетика?	243
Е. Г. Панфилов — Перестала ли война быть продолжением политики?	246
Новые книги ЖК-IX-587	248

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Д. Каммари (главный редактор), А. Д. Александров, Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, И. В. Кузнецов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. М. Розенталь (зам. главного редактора), М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, П. Н. Федосеев, Ю. П. Францев, А. Ф. Шишкин.

Адрес редакции: Москва, Г-19. Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны: Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00250.

Подписано к печ. 7/III 1957 г.

Тираж 50 000.

Изд. № 293. Заказ № 2911. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. 8 бум. л.—21,92 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.